

ВАЛЕНТИН КРУТОВЫХ

В ОГНЕДЫШАЩИХ СТИХИЯХ

К 400-летию писателя протопопа Аввакума

*Если мы раскольники и еретики,
то и все святии отцы наши
таковии же.*

Аввакум, письмо царю
Алексею Михайловичу

Одним из следствий богослужебной реформы, проведённой во второй половине XVII века патриархом Никоном и царём Алексеем Михайловичем, был раскол в Русской Православной Церкви, перешедший в раскол русского народа. Государственные и церковные власти привели русские богослужебные тексты в соответствие с таковыми Греческой Церкви, находящейся под влиянием католицизма. Древние формы совершения таинств, священнодействий, молитв были изменены или отменены по личному указанию Никона, а затем были подвергнуты анафеме соборным судом Церкви. По мнению кандидата философских наук Р. Ю. Аторина, церковная реформа в глазах протопопа Аввакума и его сподвижников имела вид идеологической диверсии папского престола в отношении Русской Церкви. Целью реформы для царя Алексея Михайловича было стать византийским императором, а у Никона – Вселенским Патриархом.

Большой Московский собор 1666–1667 годов признал раскольников, продолжавших креститься двумя пальцами, а не тремя, и писать Иисус, а не Иисус, как это было принято в то время в Западной Православной Церкви, еретиками. Кроме того, Большой Московский собор (в 7 главе Деяний собора 1667 года) обосновал необходимость предавать гражданским казням еретиков (то есть старообрядцев), что привело к тому, что церковный Московский собор 1681 года от имени православных христиан просил царя применять против них военную силу. Местные архиереи и воеводы стали совместно арестовывать старообрядцев и предавать их гражданскому суду. Итогом стали массовые пытки, убийства, гонения на старообрядцев, погромы их монастырей и домов. Не признавшие решения Большого Московского собора протопоп Аввакум, поп Лазарь, дьякон Фёдор и инок Епифаний были живьём сожжены на костре. Жестокие репрессии продолжались 240 лет, но старообрядцы сохранили свою веру и донесли её до наших дней. Большой Московский собор 1666–1667 годов стал отправной точкой, после которой Россия надолго попала под влияние Запада, а Аввакум стал первой жертвой, открыто противостоявшей этому процессу, и первым правозащитником в России.

Просчитались

Читавшие “Житие протопопа Аввакума, им самим написанное”, не задумываясь, скажут, что Аввакум после 14-летнего заточения в земляной тюрьме писал царю Фёдору Алексеевичу прошение о помиловании из Пустозёрского острога, что стоял на берегу Северного Ледовитого океана, тем самым бросая тень на предводителя старообрядцев.

Да, писал, но какое?! Без единого слова раскаяния. Начиналось оно так: “Благого и преблагого и всеблагого Бога нашего благодатному устройению, блаженному и преблаженному и всеблаженному государю нашему свету, светилу русскому, царю и в. кн. Фёдору Алексеевичу...” Не знаю, как тебе, читатель, но мне, воспринявшему муки Аввакума, как свои собственные, слова эти показались с трудом сдерживаемой издёвкой над великим князем.

Затем писатель излагает свою просьбу: “Помилуй мя, Алексеевич!” Далее идёт выпад против никонианцев, который перечёркивает все ласковые слова и возможность помилования. “А что, царь-государь, как бы ты дал мне волю, я бы их, как Илья-пророк, всех перепластал во один день. Не осквернил бы рук своих, но и освятил, чаю”.

Это был очередной дерзкий вызов протопопа государственной и церковной власти. Желаящие спасти свою шкуру так не пишут. Они лебезят перед сильными мира сего, подстилаются под их желания. Взять бы прошения писателя VIII–IX века Хань Юя к властям Китая. Желая умаслить императорского чиновника, от которого зависела его судьба, он прошения оканчивал словами: “В страхе и трепете дважды кланяюсь”.

Ответ на челобитную Аввакума не заставил себя долго ждать: в Пустозёрск поскакал гонец с указом: “За великия на царский дом хулы” сжечь живьём бунтаря вместе с другими узниками. Попу Лазарю, дьякону Феодору, иноку Епифанию перед казнью кому вырезали язык, кому отсекли руку.

Но почему же самому Аввакуму царь не повелел вырезать язык?

Властям хотелось, нет, они просто жаждали, после долгих лет непрерывных мучений Аввакума, услышать из уст главаря раскольников вопли о помиловании, весть о которых они потом разнесли бы по всем городам и весям Руси, чтобы развеять и добить эту древнейшую веру! Специально приставленный к костру стрелец не услышал из уст сгоравшего ни одного слова о помиловании.

У Юрия Нагибина в книге “Огненный протопоп”, посвящённой Аввакуму, есть немеркнущие слова: “Почему неправая власть так нуждается даже в мнимом изъявлении покорности, мнимом раскаянии тех, кого считает виновным в тяжких против неё, власти, прегрешениях? Может, потому, что власти нужна не преданность, не союзничество, основанное на единоверии, а только слепое послушание, пусть даже неискреннее, обманное, но полное и безоговорочное, проще – рабье. Тогда власть осознаёт себя силой”.

Промашка у них вышла. Аввакум погиб, не издав ни звука с мольбой о пощаде, с несокрушимой верой в праведность всех деяний Бога, до последних мгновений поддерживая соратников словами, что Бог не оставит их.

Протопоп Аввакум с соратниками на протяжении десятилетий противостоял мощной государственной машине России во главе с царём Алексеем Михайловичем, его сыном Фёдором и официальной Православной Церковью, на всех парах идущей на сближение с Западом, за что был сожжён на костре. Кто вышел моральным победителем в борьбе старой Руси с новой – судить тебе, читатель.

После казни Аввакум стал символом бескомпромиссной борьбы с вседозволенностью государственной и церковной власти. Ведь у Бога “все равны, от царя до пса”, утверждал он. Его подвиг вдохновлял старообрядцев в борьбе с царём и официальной Церковью, затем с Синодом и поддерживал до наших дней в своём праве верить в такого Бога, который им представляется истинным.

Протопоп Аввакум. Кто он? А кто его жена?

Протопоп Аввакум Петрович Петров родился 25 ноября по старому стилю (5 декабря по новому стилю) 1620 года в селе Григорово Нижегородского уезда в семье священника Петрова. Погиб 14 апреля (25 апреля) 1682 года

в Пустозёрске. Деда его звали Кондратием, поэтому некоторые исследователи называют его Аввакумом Петровичем Кондратьевым. Священник Русской Православной Церкви, священномученик, исповедник, писатель, вождь старообрядческой православной церкви России. В конце 1640—начале 1650-х годов — протопоп города Юрьева-Повольского, участник влиятельного Кружка ревнителей благочестия, друг и соратник будущего патриарха Московского Никона, также входившего в этот кружок. Впоследствии противник церковной реформы, начатой патриархом Никоном и царём Алексеем Михайловичем, идеолог и наиболее видный деятель старообрядчества в период его возникновения. Автор первой в России художественной автобиографической исповедальной повести “Житие протопопа Аввакума, им самим написанное” и других полемических сочинений.

Был женат на Анастасии Марковне, сироте, родившейся в одном с ним селе. Она пришла по душе матушке юноши своей набожностью, и он женился на ней в 17 лет. Настасье же было в то время 14. Их брак стал браком по любви. Родилось у них девять детей.

Анастасия Марковна (1624–1710) или Марковна, как называл её по жизни и в “Житиях” Аввакум, твёрдо поддерживала мужа в его борьбе с реформой древнерусского Православия никонианской Церковью и царём. Она прошла с мужем в ссылку на Крайний Север и в Сибирь пешком по бездорожью, проплыла по порожистым рекам свыше 11 тысяч километров (это если считать по прямой, дореволюционные историки насчитывают до 20 тысяч вёрст скитаний в ссылке вместе с мужем, детьми, порой беременная, с библиотекой мужа и семейным скарбом). Только во время ссылки в Даурию под командованием кровожадного садиста воеводы Пашкова она была непрерывно в пути 10 лет. Ведь прямого пути на восток тогда не было.

Для сравнения: лет 15 назад я предпринял путешествие на восток по единственной односторонней трассе на новенькой инжекторной “девятке”. Но доехал на ней только до Южного Урала, всего полторы тысячи километров, и проклял эту “дорогу”! Все тягунки на ней были забиты колоннами тяжело гружённых фур, спешивших вывезти наш кругляк в Китай и Японию. Но добились гордость нашего автопрома не три тысячи километров дороги туда-обратно, а десятки километров объездных путей по свежеспиленному лесу с торчащими пнями. По таким “дорогам” впору ездить на танках или КамАЗах. Пришлось в Москве отдать машину за бесценок.

Подвиг Анастасии в какой-то степени повторили в начале XVIII века жёны декабристов, уехавшие вслед за сосланными мужьями в Сибирь. Но им не довелось идти в Сибирь и обратно пешком, раня ноги об острые камни, да и нравы в XVIII веке слегка помягчили. К тому же декабристы были состоятельными людьми. Например, в Иркутске на каторге семья декабристов Муравьёвых жила в отдельном доме, в котором были рояль и прислуга. В том доме в XX веке уже уютилось 16 семей.

Анастасию Марковну Петрову без всяких натяжек можно назвать великомученицей, нёшей крест судьбы с мужем до его казни. Вот как Аввакум описывает в “Житиях” обратный путь из ссылки в Даурию: “Протопопица бедная бредёт-бредёт, да и повалится — кольско гораздо. В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нея набрел, тут же и повалились: Оба кричат, и встать не могут. Мужик кричит: “Матушка государыня, прости!” А протопопица кричит: “Что ты, батко, меня задавил?” Я пришол, — на меня, бедная, пеняет, говоря: “Дольго ли муки сея, протопоп, будет?” И я говорю: “Марковна, до самая до смерти!” Она же, вздохня, отвечала: “Добро, Петрович, ино ещё побредем”.

Преувратности судьбы вперемежку с радостями от осознания своей великой роли в деятельности мужа настолько закаляли её душу и тело, что она прожила 86 лет, пережив своего мужа на 28 лет.

В 1644 году молодого священника Аввакума поставили настоятелем прихода в селе Лопатицы, что на Волге близ Нижнего Новгорода. Там он принялся с жаром проповедовать Слово Божие, обличая паству, одержимую самыми дикими языческими суевериями. К примеру, в храм старались не пускать чужих. Причём не пускали даже жителей соседнего села — во избежание сглаза икон.

Мало кто соблюдал в быту христианские заповеди. Был случай, когда его прихожанин изнасиловал свою дочь, а поп за взятку отпустил ему этот грех. Или начальник забрал себе в наложницы у вдовы девицу из семьи. Дорого

обошлось заступничество за неё Аввакуму: начальник (он уже в XVII веке имел на то полное право), “пришед во церковь, бил и волочил меня за ноги по земле и в ризах”. А потом и дом у него отнял, всего ограбив, и выгнал с семьёй из села... Где же я видел недавно такие кадры? Забыл!

Попытки молодого Аввакума наставить народ к свету евангельской истины закончились плачевно: трижды он был бит до смерти прихожанами за своё усердие. Однажды его чуть было не утопил в Волге воевода Василий Шереметев, разгневанный тем, что священник отказался благословить его сына, поправшего церковные заповеди.

Особенно свирепствовали бабы, ведущие разгульный образ жизни, и попы, потворствовавшие такой жизни и списывавшие за мзду любые грехи и преступления. “Вытащили меня – человек с тысячу или полторы тысячи их было, – вспоминал сам Аввакум, – среди улицы били батошьем и топтали... Наипаче же попы и бабы, которых унимал я от блуда, вопили: “Убить вора, бл-на сына, да и тело собакам в ров кинем!”

Представляете, что было бы сегодня со священником, который вломился бы в один из ночных клубов и стал проповедовать целомудрие и требовать от девиц воздержания до брака?

Но эти годы не прошли даром для будущего исповедника. Он приобрёл своих первых духовных детей – “по се время сот с пять или с шесть будет”. Уже тогда он собственноручно сделал себе “прививку” от огня костра, “примерился” – сможет ли он выдержать пытку огнём. Ох, как она пригодится ему в дальнейшей жизни!

А дело было так. “Прииде ко мне исповедатися девица, многими грехми обремененна; блудному делу...; нача мне, плакавшеси, подробну возвещати во церкви...; аз же, треокаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным...; зажѣг три свечи и... возложил руку правую на пламя и держал, дондеже во мне угасло злое разжежение”.

Ещё не раз был до смерти бит Аввакум и изгоняем из церквей в Лопатицах, Юрьевец-Повольском за бескомпромиссное служение Богу. Зато он как прогрессивный священник, пострадавший в борьбе за веру, вызвал огромный интерес в Москве. Его тепло приняли и при дворе. Более того, царский духовник Стефан Вонифатьев ввёл Аввакума в придворный “Кружок ревнителей благочестия” – клуб богословов, обеспокоенных судьбой Церкви в России. В “Кружке” состоял и будущий патриарх Никон, с которым они вошли и в “Книжную справу” – так именовался учреждённый при Патриархе Иосифе совет богословов, занимавшийся исправлением важнейших богослужебных книг.

Но очень быстро пути Никона с советом разошлись. После назначения его Патриархом начальником печатного двора стал киевский монах Епифаний Славинецкий, которому поручили исправление церковных книг по западным образцам.

Аввакума в августе 1653 года отдали “под начало”, включающее ряд физических и нравственных мучений, и посадили в тёмный погреб, пока он не подчинится новому Патриарху. Но никакие истязания не сломили дух протопопа.

Через четыре недели его вновь привезли на цепи на патриарший двор для увещевания. “Журят мне, что Патриарху не покорился, а я от Писания его браню да лаю”, – вспоминает писатель в “Житиях”. Тогда Никон приступил к процедуре лишения сана протопопа. В последний момент царь, не желая разлада с царицей Марьей Ильиничной, отговорил его от этого шага. Расстрижение было отменено, и Аввакума вместе с семьёй отправили в ссылку в Тобольск.

В Сибирь

Путь до Тобольска по бездорожью в трескучий мороз занял чуть меньше четырёх месяцев. По дороге Марковна родила ребёнка, но попала с ним в тёплую избу только в канун нового 1654 года.

Встретил протопопа тобольский архиепископ Симеон, считавший Аввакума страдальцем. Он дал ему церковь, где ссыльный священник провёл полтора года в горячих проповедях, “браня от Писания и укоряя ересь Никонову” (слова Аввакума).

С юмором решал протопоп застарелые нравственные проблемы города. Однажды пришёл к нему пьяный монах, с которым не могли совладать ни светские, ни церковные власти. “Учитель! Дай мне скоро царствие небесное!” – стал он требовать под окном новичка. Не выдержав долгих насмешек, Аввакум позвал чернеца в избу и спросил: “Можешь ли пить чаше, которую я тебе поднесу?” Получив утвердительный ответ, священник положил на стол топор. Монах призадумался, но выполнил требование протопопа – положил голову рядом с топором.

Аввакум взял книгу и стал читать ему отходную. И тотчас пономарь нанёс толстым шелепом (кнутом) удар по лежащей шее. Взыл чернец и стал просить пощады. Протопоп наложил на него епитимью – полтораста поклонов перед образом. При каждом поклоне пономарь “угощал” его шелепом сзади.

Этой ссылкой открылся новый долголетний подвиг страдания за проповедуемые идеи. В итоге Аввакум занял одно из первых и почётных мест в ряду апостолов раскола.

Наиболее внятно и исторически выверенно, без прыжков через десятилетия вперёд и назад, жизнь и подвиги Аввакума описаны учёным-энциклопедистом Венедиктом Александровичем Мякотиным в книге “Григорий VII. Торквемада. Савонарола. Лойола. Аввакум. Биографические повествования”, вышедшей в серии “ЖЗЛ” “первого разлива” – Ф. Павленкова – в 1894 году и выдержавшей 4 переработанных переиздания. “Полтора года провёл таким образом Аввакум в Тобольске, строго наблюдая за нравственностью и правотоверием своих прихожан, наставляя одних, обличая других, наказывая третьих, словом и делом осуществляя свой идеал подвижнической жизни”, – пишет об этом взлёте славы Аввакума В. А. Мякотин.

После пяти доносов его погнали дальше от Москвы, в Енисейск, оттуда в Даурию в качестве священника экспедиции с приказанием воеводе Пашкову “мучить” его.

По пути Аввакум совершил ряд гражданских и религиозных подвигов вопреки самоуправству озверевшего воеводы Пашкова. Он вступился за вдов, старух, собиравшихся вступить в монастырь, которых воевода принуждал выйти замуж. В “награду” за то вмешательство протопоп был избит до полусмерти. “Он же рыкнул, яко дикий зверь, и ударил меня по щеке, тоже по другой, и паки в голову, и сбил меня с ног, – вспоминает Аввакум в “Житиях”, – и, чекан (боевой топор с молотком на обухе, знак власти. – Прим. В. К.) ухватя, лежащего по спине ударил трижды, и розболочки (раздев. – Прим. В. К.), по той же спине семьдесят два удара кнутом. А я говорю: Господе Иисусе Христе, Сыне Божий, помогай мне! Да то же, да то же непрестанно говорю. Так горко ему, что не говорю: пощади! Ко всякому удару молитву говорил”.

Остальную дорогу до Братского острога Аввакума везли скованного по рукам и ногам, да и там бросили в холодную избу.

Более пяти лет провёл Аввакум в отряде Пашкова, испытывал ежедневные побои, лютый голод, ел мертвечину, траву с сосновой корой, потерял двоих сыновей, не перенесших голод. Но Аввакум... жалел Пашкова! “За что на него гневаться... Явно в нем бес действует. Да уж Бог его простит”, – пишет он о нём. В этом залог того, что, оказавшись победителем в борьбе с никонианцами, Аввакум не стал бы проливать кровь побеждённых церковников, как в порыве гнева он наобещал в письме царю Фёдору: “Я бы их... всех перепластал во один день”. Не случайно Аввакум, прошив все злодеяния Пашкова, в конце жизни сделал ему великое добро – постриг в иноки. Пашков, раскаявшись в совершённых злодеяниях, благодарит Аввакума за то, что он отнёсся к его семье “отечески – не помня зла”.

В 1661 году пришли два указа из Москвы: первый – сменить Пашкова, во втором протопопа приглашали в Москву. Но зря радовался Аввакум. Его позвали не потому, что старая вера была принята за истинную. Реформы древней религии в Москве шли полным ходом. Её поддерживали патриархи Антиохийский Макарий и Сербский Гавриил, предавшие проклятию двоеперстие и подписавшие исправленный “Служебник” и переведённую с греческого книгу “Скрижаль”. К ним присоединились патриархи Константинопольский Афанасий и Иерусалимский Паисий. Вот перед ними и должен был предстать на соборе 1666–1667 года и покаяться, приняв новую веру, Аввакум.

Перед приездом вселенских патриархов Аввакуму от имени царя было обещано место духовника царского, затем справщика на Печатном дворе, что

привлекало Аввакума. Царь, царица, многие бояре и церковные власти прислали ему от себя денег и припасов — лишь бы он молчал и прекратил свои проповеди хотя бы до собора, который обсудит ход никоновской реформы и утвердит его отречение от патриаршего престола.

— Уступи заморским мудрецам хоть самую малость! — упрашивали ходатаи протопопа.

— В малу дырку и море уплывёт, — отвечал узник.

Однако протопоп, тронутый лаской, в надежде, что ему будет поручено исправление церковных книг, как будто успокоился.

В это время Аввакум совершил молитвенный подвиг. Ни один олимпийский чемпион, ни один футболист в наше время не тренировался к чемпионату или мундиалю столь усердно, как готовились к встрече с Богом Аввакум и его жена. Ежедневно после вечерни протопоп совершал “правило”, состоящее из целого ряда молитв с земными поклонами. Окончив “правило”, он тушил огонь и вновь становился на молитву. Совершал 300 поклонов, 600 молитв Иисусовых и 100 Богородице. Жена, молясь вместе с ним, произносила 400 молитв и совершала 200 поклонов. А ведь он до этого весь день читал проповеди и молитвы в церкви!

Время шло, а перемен к восстановлению старой веры не происходило. Тогда не искушённый в подковёрной борьбе протопоп подаёт царю прошение. В нём он требовал замены всех главнейших церковных иерархов, в том числе Никона, который формально оставался Патриархом, хотя и жил уединённо в Воскресенском монастыре. И называет имена намеченных им кандидатов. Вслед за этим Аввакум подал челобитную, обличающую пороки и ереси приезжих греков и высшего московского духовенства. Непокорного протопопа вновь посадили на цепь и приступили к обряду его расстрижения. Да за него заступился сам царь Алексей Михайлович и его жена, и расстрижение было заменено ссылкой.

29 августа 1664 года, не прожив в Москве и полугодя, протопоп вместе с семьёй в преддверии суровой северной зимы отправился в дальний и нелёгкий путь в Пустозёрский острог, расположенный на берегу Северного Ледовитого океана. В пути, благодаря своему ходатайству и помощи своих многочисленных сторонников, местом ссылки его семьи определили Мезень. Там его и Настасью Марковну с двумя детьми посадили в земляную тюрьму.

Патриарх Никон

Никон (Никита Минов, 1605–1681) — седьмой Патриарх Московский и Всея Руси (1652–1666). Он уловил и поддержал идею царя Алексея Михайловича и его окружения стать во главе православного мира. До декабря 1666 года имел официальный титул “Божью милостию великий господин и государь, архиепископ царствующаго града Москвы и всеа северныя страны и помориа и многих государств Патриарх”, а также титул “Великого Государя”. Стремился поставить церковную власть выше царской, за что в 1667 году был лишён патриаршества и архиерейства и сослан в Ферапонтов монастырь. По решению собора резиденция бывшего Патриарха в Воскресенске получила статус рядовой подмосковной обители.

Ещё до возведения в Патриархи Никон сблизился с царём Алексеем Михайловичем. Вместе они решили переделать Русскую Церковь на новый лад: ввести в ней но-вые чины, обряды, книги, чтобы она во всём походила на современную им Греческую Церковь. Алексей Михайлович мечтал сделаться в результате реформы византийским императором, а Никон — Вселенским Патриархом, для чего в 1656 году основал Воскресенский монастырь по подобию храма Гроба Господня, расположенного в Иерусалиме. Величайший по тем временам архитектурный ансамбль должен был продемонстрировать приоритет Церкви над светской властью и стать центром православного мира.

Никон, решивший провести свои задумки в виде исправления в Церкви погрешностей и ересей, окружил себя учёными греками, величал себя “отцом отцов”. Царь предоставил ему неограниченное право и чрезмерную власть во всём. Ободряемый и поддерживаемый царём, Никон приступил к церковной реформе весьма решительно и дерзко. Обойдя установленные процедуры принятия важных решений, он личным приказом упразднил двоеперстие и направил в приходы “память”: “... Не подобает во церкви метания творити

на колену, но в пояс бы вам творити поклоны, еще же и трема персты бы есте крестились”. “Изменение такой важной части православного обряда, как крестное знамение, личным, ничем не мотивированным циркуляром, — пишет известный исследователь раскола С. А. Зеньковский, — <...> было чем-то неслыханным в анналах не только русской, но и вообще христианской Церкви... А в Русской Церкви семнадцатого века значительных изменений обряда, не посоветовавшись с Собором, не делал даже такой авторитетный глава Церкви, как патриарх Филарет. Что же касается крестного знамения, то оно сохранило начальную греческую форму двух перстов с древнейших времён русского христианства, и когда в начале шестнадцатого века в России начала распространяться новогреческая форма перстосложения, она была осуждена и запрещена Стоглавым Собором 1551 года. <...> Теперь же Никон решался своим личным распоряжением, да ещё накануне Великого поста, который всегда вызывал на Руси большое религиозное напряжение, заменить старое русское и древнегреческое крестное знамение новогреческим”.

Никон ввёл обязательные по всем церквям хвалебные величания царю и его семье, что превратило Божественную литургию в хвалебство царя и всех родственников царской фамилии.

Никон жестоко преследовал несогласное с ним духовенство, все тюрьмы были наполнены священниками, чем-либо провинившимися перед Патриархом. Он истязал даже своего духовного отца Леонида: держал его два года в подвале закованным в цепи, мучил голодом и побоями. Патриарх любил богатство и роскошь. После царя он был первым богачом в России: ежегодно собирал несметные богатства — более 700 тысяч рублей. Памятниками почти безграничного могущества и строительного размаха Патриарха Никона стали три основанных им монастыря — Иверский Валдайский (1653), Крестный Онежский (1656) и Воскресенский Новоиерусалимский (1656). Они не причислялись к домовым монастырям патриаршей кафедры, а были личной собственностью Патриарха Никона. Благодаря его ходатайствам, царь приписал к ним 14 монастырей с их вотчинами и угодьями, солеварни, рыбные ловли на Кольском полуострове.

После разрыва с царём и ухода с патриаршей кафедры в Воскресенский монастырь Никон продолжал держать себя властно: осуждал и проклинал архиереев, предавал анафеме, в том числе царя со всем его семейством. В монастыре, ныне это Новоиерусалимский ставропигиальный (подчиняющийся только Патриарху) мужской монастырь, он жил в четырёхэтажном ските, окружённом со всех сторон искусственными водоёмами. В ските находились его приёмная и две церкви. В монастыре Никон жил 8 лет и был там впоследствии погребён.

Ещё будучи на патриаршем престоле, Никон заявлял, что старые Служебники добры и по ним можно совершать службу Божию. Уйдя же с престола, он позабыл о своих реформах, которые внесли раскол в жизнь Церкви и русского народа. Мало того, он начал печатать в монастыре богослужебные книги со старопечатными текстами. Этим возвращением к старому тексту Никон свершил суд над собственной реформой: он признал её “ненужной и бесполезной”. Никон скончался в 1681 году не примирённым ни с царём, ни с архиереями, ни с Церковью (Митрополит Макарий. История Русской Церкви в 12 томах. М., 1883. Т. XII. С. 449–450 и 455).

Большой Московский собор 1666–1667 годов

В феврале 1666 года в Москве открылся собор русского духовенства для решения дела раскольников. К 1 марта в Москву был доставлен Аввакум, занявший положение главного вождя раскольников. Это был момент, когда путём взаимных уступок возможен был путь мирного решения накопившихся разногласий. Попытки примирить протопопа с церковной властью не увенчались успехом. Аввакума отправили в Пафнутьев монастырь, куда время от времени приезжали с собора духовные лица уговаривать его смириться и покаяться в своих заблуждениях. Десять недель прошло в увещеваниях. Наконец, 13 мая протопопа вновь привезли в Москву и поставили на суд собора.

Собор принял решение лишить Аввакума сана. Он вместе с диаконом Фёдором был расстрижен и предан проклятию как еретик. Но окончательную судьбу Аввакума по просьбе царицы отложили до приезда вселенских патриархов.

15 мая страдальца тайно перевезли в Угрешский монастырь. Вслед за ним потянулись в монастырь многочисленные посетители. Сам царь приезжал в обитель, но зайти к Аввакуму не решился. Тогда Аввакума перевели в более отдалённое место — в Пафнутьев Боровский монастырь. Ещё два с половиной месяца длились напрасные увещания, пока 17 июля он не был приведён на заседание собора на суд вселенских патриархов, где принялись его вновь увещевать.

“Наконец, — пишет сам Аввакум, — последнее слово ко мне рекли: Что-де ты упрям? Вся-де наша Палестина, и Серби, и Албанасы, и Волохи, и Римляне, и Ляхи, все-де трема перстами крестятся, один ты стоишь в своём упрямстве...”

Конечно, спор состоял не в количестве перстов, которыми крестились верующие, а в том, признавать ли суд и авторитет западных вселенских патриархов над русской старинной Церковью, которая к тому времени считалась третьим Римом.

И вот что ответил Аввакум: “Вселенстии учителяе! Рим давно упал и лежит невосклонно, и Ляхи с ним погибли, до конца враги быша христианом. А и у вас Православие пёстро стало от насилия турскаго Махмета, — да и дивить на вас нельзя: немощи есте стали. И впредь приезжайте к нам учитца: у нас, Божию благодатию, самодержество. До Никона отступника в нашей России... всё было Православие чисто и непорочно и Церковь немятежна”. Устав стоять перед увещевавшим его собором, Аввакум отошёл к дверям и лёг на пол со словами: “Посидите вы, а я полежу”.

Непоколебимыми остались призванные с ним на суд собора протопоп Никифор, поп Лазарь, дьякон Фёдор и чернец Епифаний.

Собор признал раскольников еретиками, Лазарю и Епифанию были отрезаны языки, Аввакума царица отпросила от этой кары, и он вместе с изуверченными товарищами и дьяконом Фёдором в конце августа 1667 года был отправлен в Пустозёрск.

По всей стране пошли казни старообрядцев и погромы их монастырей и домов. После 9-летней осады в результате предательства перебежчика монаха Феоктиста, указавшего на неохраняемый ночью тайный ход в Соловецкий монастырь, враги 22 января 1676 года ночью проникли внутрь укреплений и открыли ворота. Почти все защитники старообрядческой твердыни были перебиты и замучены стрельцами. Было убито и казнено 400 староверцев. Такая же участь постигла и другие монастыри старообрядцев. Сестёр боярыню Феодосию Морозову и княгиню Евдокию Урусову после пыток на дыбе хотели заживо сжечь. Не получив одобрения от Боярской думы на такую жестокую казнь людей высшего сословия России, их увезли в Боровск, бросили в глубокие ямы и уморили голодом. Перед самою смертью три боровские узницы (третьей была Мария Данилова) прислали протопопу в тюрьму последнее послание на столбце бумаги. Аввакум о нём писал: “Долго столбцы те были у меня: прочту да поплачу, да в щёлку запихаю. Да бес-собака изгубил их у меня”. Были казнены десятки тысяч не отрёкшихся от старой веры людей. По московским улицам катались мычавшие люди, которым вырезали языки. Жестокое репрессии продолжались 240 лет, но старообрядцы сохранили свою веру и донесли её до наших дней.

В огнедышащих стихиях

Отстроенная в Пустозёрске тюрьма представляла собой четыре сруба, осыпанных землёй, по одному на узника. Верхняя часть сруба проходила сквозь слой вечной мерзлоты. Каждый из срубов был обнесён тыном, а все вместе — общим острогом. От пола до потолка можно было достать рукой. В самом верху находилось оконце, в которое подавалась пища и выбрасывались нечистоты. Весной тюрьмы до лежанок затопляло водой, зимой печной дым выедал глаза и душал. Глаза Епифания, в недавнем прошлом духовного отца Аввакума, давшего ему совет написать своё “Житие”, так загноились, что он временно ослеп и долго не мог делать тайники в топорницах стрелецких бердышей для передачи рукописей на волю. Но именно здесь, при постоянной нехватке бумаги, были написаны “Жития...” Аввакума и Епифания, оба Пустозёрских сборника — памятники совместной писательской деятельности

узников – и другие значительные произведения Аввакума. Здесь писал свои сочинения дьякон Феодор.

В пустозёрской тюрьме Аввакум оставался всё тем же строго благочестивым человеком, соблюдавшим пост и истощавшим плоть молитвами. Он сбросил с себя всё платье, даже рубашку, и остался совершенно нагим. Здесь его, голодного и обессилевшего от непрестанных молитв, на вторую неделю строгого поста посетило видение. Тело его выросло до небес и распространилось по всей земле. “А потом Бог вместил в меня небо и землю, и всю тварь”. О своём видении Аввакум рассказал царю. “Ты владеши, на свободе живучи, одною русскою землёю; а мне Сын Божий покорил за темничное сидение небо и землю”.

Нашлись смельчаки из числа раскольников, которые, рискуя жизнью, добирались до пустозёрской тюрьмы (сегодня-то до этого пустынного места на берегу Северного Ледовитого океана трудно добраться!), чтобы доставить Аввакуму и его товарищам письма и посылки, а от них забрать исписанные клочки бумаги.

Постепенно тюрьма в Пустозёрске стала умственным центром широкого народного движения, прошедшего по всей русской земле. Сюда обращались за советом и поучением в делах веры. Сюда стекались все новости, отсюда исходили советы, как жить дальше.

Здесь у Аввакума и его товарищей оставалось больше времени писать мемуары. За 14 лет заточения в Пустозёрске Аввакумом было написано около 44 произведений разного жанра (некоторые исследователи называют 80), из которых до нас полностью дошла его автобиографическая повесть “Житие протопопа Аввакума, им самим написанное” в двух редакциях, или списках. В них отразились основные идеи того умственного движения, ярким выразителем которого стал писатель и протопоп Аввакум. Эта книга положила начало жанру автобиографической повести в русской литературе. Аввакум писал свои произведения ярким, сочным, насыщенным меткими сравнениями языком. В повести “Житие протопопа Аввакума, им самим написанное” трудно найти иноязычное слово. Зато живые разговорные обороты, порой граничащие с грубыми и нецензурными, когда он ими живописал Никона и его сторонников, были на каждой странице.

Только в конце XIX века просвещённые россияне открыли для себя неизвестное им до того литературное богатство – “Житие...” Аввакума. Первое издание “Жития...” Аввакума осуществил Н. С. Тихонравов в 1861 году. Однако задолго до этого времени его читали некоторые писатели по спискам, сохранившимся у старообрядцев. “Житие...” было переведено на английский, немецкий, французский и польский языки.

Лев Толстой был потрясён исповедью Аввакума до слёз и часто читал его в кругу семьи. У Аввакума стали учиться литературному языку Достоевский, Тургенев, Гончаров, Бунин, Лесков, Пришвин и многие другие русские и советские писатели. Д. Н. Мамин-Сибиряк писал: “Слово о полку Игоре...” и автобиография протопопа Аввакума... по языку нет равных этим двум гениальным произведениям”.

“Только раз в омертвелую словесность, как буря, ворвался живой, полнокровный голос. Это было гениальное “Житие...” неистового протопопа Аввакума. Речь его – вся на жесте, а канон разрушен вдребезги!” – говорил Алексей Толстой. Аввакум “писал таким языком, что каждому писателю непременно следует изучать его, – советовал И. С. Тургенев. – Я часто перечитываю его книгу”.

Все реформы в Русском Православии Аввакум связывал с желанием никониан “подстроиться” под нормы западной римской, польской, немецкой веры. “Ох, ох, бедная Русь! Чего-то тебе захотелось немецких поступков и обычаев?” – восклицал он.

Годы шли, но в положении пустозёрских узников не происходило никаких перемен. По-прежнему они были заключены в четырёх стенах тюрьмы. Тягостно стало даже 60-летнему, испытавшему множество ударов судьбы Аввакуму.

В Московском государстве происходили важные перемены. Умер царь Алексей Михайлович. Неожиданная смерть царя, последовавшая 29 января 1676 года всего лишь на 47 году его жизни и ровно через неделю после падения Соловецкой обители, была, по мнению людей старой веры, наказанием

Божиим за разгром монастыря и, конечно, не помогла росту престижа царской власти. Для России наступил период новых серьёзных смут.

На престол заступил его болезненный четырнадцатилетний сын Фёдор, воспитанный киевским монахом Полоцким, увлекавшийся польской литературой и говоривший на польском языке. Для него реформы Церкви стали давно свершившимся делом. Быть может, за государственными делами и балами уж забыл государь про опального протопопа. Но тот сам напомнил ему о себе. В 1681 году он написал и отправил царю Фёдору послание. Долго шло письмо туда и ответ обратно.

* * *

Смертная казнь соединила их вновь и навечно. Снова был апрель, шла Страстная седмица. Снова четверых вели на площадь. Только теперь там ждала не плаха, а новенький сруб. Приговорённые знали, что их ждёт. Когда-то Аввакум писал: “А во огне том здесь небольшое время потерпеть – аки оком мгнуть, так душа и выступит! Разве тебе не разумно? Боишися печи той? Дерзай, плюнь на нея, не бось. До печи той страх-от; а егда в нея вошёл, тогда и забыл вся. Егда же загорится, а ты и увидишь Христа и ангельския силы с ним”. Теперь пришёл и его черёд “увидеть Христа и ангельския силы с ним”.

Перед смертью осуждённые на казнь прощались друг с другом. Дьякон Феодор подошёл к протопопу Аввакуму, и тот благословил его. Когда на площади сделалось жарко от полыхавшего сруба, кому-то из жителей в зыбком воздухе над языками пламени привиделась возносящаяся к небу фигура.

Так кончили свою земную жизнь пустозёрские узники в Страстную пятницу 14 апреля по старому стилю (25 апреля по новому стилю) 1682 года. А через две недели в возрасте 20 лет умер и царь Фёдор Алексеевич.

Сейчас мало, мало людей на Руси, готовых, не задумываясь, отдать жизнь свою за народ! Иначе народы России жили бы – при несметных богатствах земли своей и трудолюбии – не хуже, а намного лучше народов Европы и Америки. Вечная слава и бессмертие будущим храбрецам, которые не побоятся заступиться за свой народ не только на войне, но и в мирное время!